

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ИНТЕРТЕКСТЕМ В
КОМЕДИЙНОМ РОМАНЕ П.Г. ВУДХАУЗА «RIGHT HO, JEEVES»**

Горенинцева Валентина Николаевна

канд. филол. наук,

Томский государственный университет,

РФ, г. Томск

E-mail: anatol_valya@mail.ru

**TRANSLATION STRATEGIES OF THE BIBLICAL INTERTEXTMES IN
THE COMEDY NOVEL *RIGHT HO, JEEVES* BY P.G. WODEHOUSE**

Valentina Gorenintseva

candidate of Philology,

Tomsk State University,

Russia, Tomsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию стратегий перевода интертекстуальных включений библейского происхождения, которые несмотря на свою принадлежность к мировой семиосфере, могут вызывать у переводчиков определенные трудности. На основе анализа текстов романа П.Г. Вудхауза “Right Ho, Jeeves” и его переводов на русский язык, выполненных М. Гилинским и И. Шевченко, автор выделяет две группы библейских интертекстем и выявляет случаи, когда сохранение интертекстуального элемента в переводе не становится оптимальным переводческим решением для достижения адекватности перевода.

ABSTRACT

The article investigates the translation strategies of biblical intertextemes, which, though universal by nature, may be challenging for translators. Basing on the analysis of the novel *Right Ho, Jeeves* by P.G. Wodehouse and its Russian translations by M. Gilinsky and I. Shevchenko, the author identifies two groups of biblical intertextemes and specifies the cases when transmitting intertextual elements in the translation does not seem the best strategy to achieve the adequacy of translation.

Ключевые слова: интертекстуальность; библейские интертексты; стратегии перевода; Вудхауз.

Keywords: intertextuality; Biblical intertextemes; translation strategies; Wodehouse.

Изучение интертекстуальности в аспекте межкультурного и межъязыкового трансфера является в настоящее время одним из наиболее актуальных направлений филологических исследований. Использование интертекстуальных включений (интертекстем) в художественном произведении неизменно является важным стилеобразующим и смыслопорождающим фактором. Однако в процессе переноса в инокультурный семиозис прототексты одной культуры не становятся автоматически элементами принимающей культуры, нередко они остаются «чужими», т. е. не ведут к возникновению того культурно-ассоциативного ряда, который задумывался автором. Согласно «принципу третьего текста» М. Риффатера, интертекстуальность в переводе принимает опосредованную форму, поскольку к диалогу читателя и автора присоединяется переводчик-интерпретатор [9, с. 96]. В аспекте перевода интертекстем продуктивными оказывается принцип динамической эквивалентности, в рамках которого сравниваются не два текста, а внеязыковые реакции получателей — носителей разных языков [8]. При этом основным критерием оценки перевода становится критерий прагматической адекватности, т. е. равенство коммуникативного эффекта оригинала и перевода, предусматривающее соответствие реакции реципиента на перевод реакции реципиента на оригинал [10].

Одним из наиболее распространенных и универсальных прототекстов мировой культуры является Библия. Библейские ономастика, сюжеты, крылатые выражения библейского происхождения, прямые цитаты и косвенные отсылки-аллюзии на библейский текст получили достаточно широкое распространение во всех европейских литературах, что позволяет считать их принадлежащими мировой семиосфере или, по определению Г.В. Денисовой,

«универсальной энциклопедии» [3]. Считается, что универсальные интертексты не могут представлять особую трудность при переводе, они практически всегда имеют инвариант восприятия в принимающей культуре, поскольку Библия переведена на многие мировые языки и присутствует в большинстве национальных культур. Вместе с тем, перевод интертекстом библейского происхождения, помимо трудностей субъективного характера, может быть сопряжен с рядом объективных трудностей, обусловленных различным функционированием библейского прототекста в английском и русском языках и культурах (лексические, грамматические, семантические и стилистические расхождения библеизмов в языковой паре английский-русский, функция библеизма в конкретном типе текста, а также фактор частотности, который определяет готовность целевой аудитории распознать библеизм как интертекст). Только учитывая все вышеупомянутые факторы, переводчик может правильно определить смысловую и стилистическую нагрузку переводимого выражения и решить, какие параметры интертекстема могут быть изменены, а какие следует оставить неизменными, чтобы предотвратить искажение смысла оригинального произведения. По мнению Н.А. Климович, при трансляции библеизмов как интертекстуальных элементов важным фактором является их перевод, при котором библейская интертекстема не только была бы соотнесена с определенным типом в тексте перевода, но и сохранила связь с прототекстом [5, с. 144]. Вместе с тем, дальнейший анализ, материалом для которого послужил текст комедийного романа П.Г. Вудхауза “Right Ho, Jeeves” (1934), показывает, что в ряде случаев сохранение библеизма как интертекстуального включения в тексте перевода не будет являться оптимальной стратегией.

По мнению Ф. Свиннертона, главным достоинством романов Вудхауза является их язык, «заставивший смеяться представителей всех слоев населения» [10, с. 47]. С ним согласен и Я. Свиридов, определяющий Вудхауза как «изошренного стилиста, главным героем произведений которого является сам английский язык» [7]. Существенную стилеобразующую роль в романах о

Дживсе и Вустере играют интертекстуальные включения, в том числе и библейского происхождения, которые, с одной стороны, выполняя поэтическую функцию, создают вертикальный контекст произведения, обогащают его, придают как бы четвертое измерение и неизбежно вовлекают читателя в языковую игру. Обращаясь к памяти читателей о культурных кодах, Вудхауз обыгрывает библеизмы, разворачивает их в отдельные эпизоды или выстраивает на их основе комические образы. С другой стороны, библейские интертексты, использованные в сниженном виде, в заурядном, бытовом контексте, сдвигаются в сферу комического, служат для создания комического портрета. Благодаря узнаваемости цитат, эффект, которого писатель добивается намеренным переходом от высокого к комическому, усиливается многократно. В силу этого Вудхауз нередко ставит перед переводчиками сложные задачи. Как замечает А. Зверев, при малейшем «пережиме» в переводе весь эффект может исчезнуть, и в результате повествование, которое по-английски вызывает ассоциации с работой ювелира, по-русски начинает звучать примитивно [4, с. 113].

На основе анализа переводов на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками М. Гилянским («Полный порядок, Дживс!», 1996) и И. Шевченко («Ваша взяла, Дживс!», 2001), были выявлены две группы библейских интертекстов, выполняющих в комедийном тексте Вудхауза разные функции. К первой группе принадлежат интертексты, основанные на семантическом взаимодействии между фрагментами прототекста и принимающего текста и функционирующие в тексте подобно комической метафоре или сравнению. Вторая группа объединяет интертексты, основанные на стилистическом взаимодействии между фрагментами прототекста и принимающего текста и представленные преимущественно немаркированными аллюзиями и цитатами. В типичной интертексте данной группы библейская конструкция служит для выражения бытового, повседневного смысла, что является основанием для возникновения комического эффекта (механизм функционирования в чем-то напоминает

прием смешения стилей). Рассмотрим последовательно приемы и стратегии, используемые переводчиками для передачи обеих групп библейских интертекстом.

Первая группа интертекстом в романе Вудхауза представлена преимущественно сюжетными библеизмами, нередко содержащими ономастический компонент, которые актуализируют в памяти реципиента ту или иную ситуацию. В большинстве случаев переводчики прибегают к использованию традиционного соответствия. Так как библейский сюжет оказывается хорошо знаком целевой аудитории, эта стратегия оказывается оптимальной, поскольку позволяет достичь адекватного перевода с наименьшими потерями. Так, к примеру, один из главных героев романа, Берти Вустер, рассказывая об «опохмелительном» коктейле своего камердинера Дживса, сравнивает его невероятный эффект со звуком архангельской трубы, который все услышат в день Страшного суда. И Гишинский, и Шевченко сохраняют в переводе отсылку к библейскому сюжету, который одновременно воспринимается как интертекст и в то же время легко поддается расшифровке и атрибуции реципиентом:

Wodehouse: “Then, suddenly, it is as if the Last Trump had sounded and Judgment Day set in with unusual severity” [11].

Пер. Гишинского: «Какую-то долю секунды ровным счётом ничего не происходит, словно Природа замерла и чего-то ждёт, затаив дыхание. Затем внезапно вам кажется, что прогремел Трубный Глас и наступил Судный День» [1].

Пер. Шевченко: «Потом внезапно раздастся трубный глас, и вы понимаете, что настал судный день со всеми вытекающими отсюда страстями» [2].

Иную стратегию можно обнаружить в случае, когда на выбор приема перевода влияет фактор частотности. Так, в следующем примере Берти Вустер сравнивает коварный поступок девушки с поступком библейской Иаиль, жены Хевера, хитростью погубившей вражеского военачальника:

Wodehouse: “Where did you ever hear of Jael, the wife of Heber? Being a female, you wouldn't. You gentler sexes are like that. You pull off the rawest stuff without a pang. You pride yourselves on it. Look at Jael, the wife of Heber” [11].

Учитывая то, что текст Библии вряд ли мог быть хорошо знаком советскому читателю, Гишинский прибегает к функциональной замене, заменяя малознакомый библейский сюжет на более распространенный о Далиле, обольстившей и предавшей Самсона:

Пер. Гишинского: «И не поймёшь, потому что женщина. Все вы одинаковы. Слабый пол! Сделаете пакость, а потом мило улыбаетесь, да ещё задираете нос, что напакостили. Вспомни Далилу и Самсона» [1].

Таким образом, через нарушение принципа эквивалентности переводчику удается достичь адекватности перевода: реципиент, включаясь в игру, практически без усилий распознает «подмигивание» автора. В свою очередь, Шевченко, используя традиционное соответствие, сохраняет эквивалентность перевода:

Пер. Шевченко: «Не понимаешь, потому что ты женщина. Все вы таковы. Режете по живому, и совесть вас не мучит. И еще гордитесь собой. Вспомни Хеверову жену Иаиль» [2].

Учитывая, что данный библейский сюжет окажется малознакомым реципиенту, Шевченко разъясняет авторский замысел через культурологический комментарий. Вместе с тем, выбор такой стратегии ведет к снижению градуса комического напряжения: хотя читатель и опознает выражение как интертекстему, он вынужден отвлекаться от текста на комментарий.

При работе с библейскими интертекстами второй группы переводчик сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, поскольку эти интертексты в оригинальном тексте чаще всего не маркированы, переводчик должен обладать богатой эрудицией либо интуицией, чтобы их идентифицировать и атрибутировать. Во-вторых, переводчик должен учитывать, что комизм этих интертекстов основан на завышении регистра речи, что означает, что при

необходимости, к примеру, чтобы не нарушать узус языка перевода, переводчик может снять аллюзийный план, создавая высокий стиль за счет языковых единиц, не несущих культурно-ассоциативных связей. Так, в следующем примере Вустер использует изречение из Библии “It sticketh closer than a brother...” (Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным; и бывает друг, более привязанный, нежели брат (Притчи Соломона, 18:24)), когда его приятель не может прожевать тост с паштетом, прилипающий к небу. Вудхауз играет со значениями глагола «to stick» (прилипнуть, привязываться). Библейская цитата, употребленная применительно к незначительной бытовой ситуации, а также архаическая форма английского глагола создают комический эффект:

Wodehouse: “Be careful how you chew”, I advised. “It sticketh closer than a brother?” [11].

Пер. Гилинского: «Жуй осторожно», — посоветовал я, — «Липнет к небу как чёрт-те что» [1].

Пер. Шевченко: «Только жуйте осторожно», — предупредил я. «К зубам прилипает теснее, чем брат» [2].

Хотя переводчики используют противоположные приемы — Гилинский прибегает к нулевому переводу, а Шевченко использует эквивалентное соответствие, ни одну из стратегий нельзя признать оптимальной. В переводе Гилинского полностью пропадает комизм ситуации, а вариант, получаемый Шевченко путем механической подстановки, не узуален и непонятен для читателя. Впрочем, отчасти эту потерю переводчица компенсирует в культурологическом комментарии, однако, как мы уже отмечали выше, необходимость отвлекаться на комментарий ведет к снижению комического напряжения.

В следующем примере, говоря о священнике, который не смог посетить церемонию из-за аденоидов, один из героев романа приводит немаркированный фрагмент из Книги Пророка Исайи: «Всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой»:

Wodehouse: “<...> and we are all sorry that the Reverend What-ever-he-was called should be dying of adenoids, but after all, here today, gone tomorrow, and all flesh is as grass, and what not, but that wasn't what I wanted to say” [11].

Комический эффект достигается за счет употребления элементов высокого стиля (в данном случае, цитат) для описания бытовой ситуации (у священника всего-навсего аденоиды). В переводе Гилинского отсылка к библейскому фрагменту не сохраняется, а выражения, которые употребляет переводчик — «все мы смертны», «от судьбы не убежишь», «сегодня здесь, завтра там» не актуализируют в памяти реципиента необходимый аллюзийный пласт, поскольку, несмотря на свое латинское происхождение, воспринимаются реципиентом скорее как факты русского языка, имеющие нейтральное звучание:

Пер. Гилинского: «<...> и всем нам бесконечно жаль, что преподобный как-там-его помирает от аденоидов, но, в конце концов, все мы смертны, сегодня здесь, завтра там, от судьбы не убежишь, и всё такое» [1].

В переводе Шевченко библейская аллюзия сохраняется и, благодаря форме, может быть атрибутирована читателем как библеизм (впрочем, переводчица и в этом случае снабжает перевод культурологическим комментарием):

Пер. Шевченко: «И мы все страшно огорчены, что преподобный — как-его-там — умирает, потому что у него аденоиды, но, в конечном счете, никуда не денешься: сегодня ты жив, а завтра — коньки отбросил, и всякая плоть — трава и чего-то там еще, но это совсем не то, что я хочу вам сказать» [2].

Шевченко даже усиливает комический эффект: используя в одном ряду с библейской интертекстемой современный арготизм «коньки отбросил», вошедший в обиход в конце XX в., она создает эффект стилистического парадокса.

Таким образом, анализ переводческих стратегий показал, что библейские интертекстемы, несмотря на свою принадлежность к «универсальной энциклопедии», могут вызывать у переводчиков определенные трудности. При

выборе переводческой стратегии и приема перевода переводчик должен учитывать такие факторы, как целевую аудиторию, тип текста, характер интертекстуального включения с учетом литературной и языковой традиции его употребления в речи. Интертекстуальные включения библейского происхождения в силу своей принадлежности к «универсальной энциклопедии» могут в большинстве случаев быть переведены традиционным соответствием. Однако анализ библейских интертекстем романа П.Г. Вудхауза позволили выявить случаи, когда сохранение интертекстуального элемента в переводе не становится оптимальным переводческим решением для достижения прагматической цели перевода. К таким интертекстемам в комедийном тексте Вудхауза относятся немаркированные аллюзии и цитаты, в которых библейская конструкция служит для выражения сниженного, повседневного смысла с целью достижения комического эффекта. Поскольку не все библейские аллюзии и цитаты могут быть атрибутированы реципиентом как таковые, а включение культурологического комментария снижает градус комического напряжения, оптимальной стратегией представляется снятие аллюзийного пласта: чтобы не нарушать узус языка перевода, переводчик может воспроизвести высокий стиль за счет иных языковых единиц, не несущих культурно-ассоциативных связей.

Список литературы:

1. Вудхауз П.Г. Полный порядок, Дживз! [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://coollib.com/b/90363/read#t1> (дата обращения 15.05.2015).
2. Вудхауз П.Г. Ваша взяла, Дживс! [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://coollib.net/b/61245/read> (дата обращения 15.05.2015).
3. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. — 298 с.
4. Зверев А. Вудхауз, Берти, Дживс и я // Книжное обозрение. — 1999. — 19 июня. — С. 112—118.

5. Климович Н.А. Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 10 (138). — С. 141—146.
6. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. — С. 185—202.
7. Свиридов Я. Приемы комического в языке произведений П.Г. Вудхауза [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=30986> (дата обращения 15.05.2015).
8. Nida E. *Toward a Science of Translating*. Leiden: Brill Archive, 1964. — 331 p.
9. Riffaterre M. *Fictional Truth*. London: John Hopkins University Press, 1990. — 137 p.
10. Swinnerton F. *The Georgian Scene: A Literary Panorama*. London: Farrar & Rinehart, 1934. — 522 p.
11. Wodehouse P.G. *Right Ho, Jeeves* [online]. Available at: [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gutenberg.org/files/10554/10554-h/10554-h.htm>. (Accessed: 15th May 2015).